

А. П. БАБУШКИНА

и с т о р и я
русской
детской
литературы

государственное
учебно-педагогическое издательство
министерства просвещения РСФСР
МОСКВА 1948

Антон Павлович Чехов

(1860—1904)

Чехов и дети

Глубокая постоянная дружба Чехова с детьми — одна из самых трогательных сторон его жизни, мимо которой не может пройти ни один биограф писателя. Чехов вёл с детьми деятельную переписку, писал для них рассказы, рисовал смешные картинки, посылал им подарки. Не только письма Чехова к его друзьям и знакомым, но даже деловые письма наполнены приветами капитанам Кукам, Коклюшам, Василисам, вопросам об их здоровье, советами. Когда А. П. Чехов уезжал куда-нибудь, то на новом месте у него немедленно появлялись маленькие друзья, которые настолько занимали его, что в своих письмах к знакомым он обязательно писал о них. «Ловлю раков, — пишет он в мае 1889 г. из Лук А. С. Суворину, — со мной вместе ловит сапожник Мишка, лет 12—13, ужасный брехун».

Весёлая дружба Чехова с детьми была наполнена смешными происшествиями, фантастическими историями, изобретением которых Чехов был не меньше увлечён, чем его маленькие друзья. Корявым детским почерком, делая смешные описки, Чехов пишет письмо девочке Саше, дочери своей приятельницы М. В. Киселёвой:

*Милостивая Государыня
Василиса Пантелеевна.*

Посылаю Вам из глубины души следующие подарки:

- 1) Ножницы для отрезывания мышам и воробьям хвостиков.
- 2) Два пера для писания стихов: одно для плохих стихов, а другое для хороших.
- 3) Рамку для портрета какой-нибудь хари.
- 4) Висюльку из чистого серебра, полученную мною в подарок от знаменитой детской писательницы (от матери Саши. — А. Б.).
- 5) Большой ящик почтовой бумаги с фиалками для писания писем к Пышечке в шапочке, Пышечке без шапочки и прочим млекопитающимся обоего пола.
- 6), которое прошу Вас убедительно положить в почтовую бумагу, чтобы она пахла.
- 7) Номер Славянской газеты для чтения натошак.
- 8) Древнюю историю с рисунками: из этой Истории видно, что в древности жили Дураки, Ослы и Мерзавцы.
- 9) Больше подарков нет.

Потратившись на подарки и находясь поэтому без всяких средств к существованию, прошу Вас выслать мне денег. А если у Вас денег нет, то украдите у Папаша и пришлите Мне.

С истинным почтением имею честь быть Вашим покорнейшим Слугой.

Василий Макарыч.

Простите, что письмо написано так небрежно. Это от волнения»¹.

¹ Письмо А. А. Киселёвой, 2 января 1887 г., Москва. Письма А. П. Чехова, т. I, изд. М. П. Чеховой, М. 1912.

Забавное письмо, вероятно, доставило адресатке не меньше радости, чем присланные к именинам подарки.

«Милый, прекрасный человек, скромный, тихий», как с нежностью говорил о нём Лев Николаевич Толстой, Чехов ярче всего раскрывался именно в отношении к детям. А. Фёдоров вспоминает об одной поездке Чехова на пароходе из Одессы в Ялту. Тут же ехал маленький сынишка Фёдорова. Беседуя с ребёнком, Чехов «улыбался сквозь усы трогательной, ласково-грустной улыбкой». Когда мальчик на минутку отошёл от него и стал с любопытством заглядывать через борт, Чехов поспешил к нему. Там у борта между писателем и матерью ребёнка произошёл короткий, но выразительный разговор. «Бойтесь, чтобы он в море не упал? — обратился Чехов к женщине. — Да. — А если бы упал? — Я бы бросилась за ним. — И я бы тоже бросилась. — тихо и спокойно заметил Антон Павлович и, положив руку на плечо мальчика, отвернулся и не сказал больше ничего».

«Тон, которым он произнёс эти слова, — пишет А. Фёдоров, — был так прост и искренен, что не оставалось никакого сомнения в том, что он именно так бы и поступил, как сказал».

А. Куприн рассказывает о дружбе Чехова с маленькой девочкой. «Между крошечным ребёнком и пожилым, грустным и больным человеком, знаменитым писателем, — говорил он, — установилась какая-то особенная, серьёзная и доверчивая дружба. Подолгу сидели они рядом на скамейке на веранде. Антон Павлович внимательно и сосредоточенно слушал, а она без умолку лепетала ему свои детские смешные слова и путалась ручонками в его бороде».

В детях Чехов видел своих потомков, грядущее поколение граждан великой России, счастливых деятелей будущего, поэтому он с необычайным вниманием заботился об их воспитании.

Сквозь юмористический тон отношений к детям у Чехова всегда сквозит настоящая забота о них, об их нравственном и физическом воспитании. В письмах к Киселёвой, сын которой одно время жил у Чехова, писатель юмористически описывает, как Серёжа «ходит на голове» или «кубарем катится вниз по лестнице» и тут же заботливо добавляет: «... честным словом уверяю Вас, что Серёжа совершенно здоров, весел, не кашляет, что он попрежнему хороший мальчуган, учится недурно и — короче говоря — ни в его здоровье, ни в его поведении, ни в образе жизни ничего не замечается такого, что могло бы внушать хотя бы даже маленькие подозрения или опасения» (2 ноября 1888 г., там же). В деловом письме к Суворину он не забывает его дочку Настю и советует ей делать гимнастику. «Высокий рост, когда плечи не широки, не в ладу со здоровьем. Надо гимнастику делать, а то я замуж не возьму», — шутиливо прибавляет он (20 ноября 1889 г., там же).

Интерес Чехова к вопросам воспитания

Как глубоко тревожили Чехова вопросы воспитания, видно из того, что он непрерывно возвращается к ним в своих рассказах, в письмах, в фельетонах. В одном из фельетонов, осмеивавших реформы министра Толстого, введившего классическое образование, Чехов ядовито сообщает, что, по постановлению Думы, берёзовые прутья продаются на Сенной площади, на Страстном бульваре, в пассаже под Сухаревской, что продавцы прутьев освобождены от всех повинностей, а кандидаты на порку есть: это молодые люди, которые, не имея денег на билет в поезде, «укрылись от глаз кондукторских в...». Конечно, их надо «непрерывно высечь и приказывать, во-первых, все неправильные глаголы выучить, а во-вторых, извлечь корень $\frac{2}{3}$ степени из самой длинной дроби». Классиче-

ское образование и розгу Чехов рассматривал как две стороны одного и того же явления.

«Школьные реформы» министра просвещения Д. Толстого создали в школе удушающую атмосферу. Мёртвые древние языки были в центре преподавания. В школе безраздельно властвовали типовые чиновники, «человеки в футлярах». Педелям, как и встарь, предписывалось неотступно следить за поведением учащихся, доносить, карать, приводить в порядок.

Возрождение в конце века схоластической системы классического воспитания было серьёзной угрозой для воспитания поколения будущих граждан, на которых все передовые русские люди возлагали такие большие надежды. Нужно было готовить мастеров новой бурно растущей техники, людей ориентирующихся во всех областях современной культуры, людей, способных осознавать происходящую вокруг них общественную борьбу и способных «перевернуть жизнь», о чём мечтали герои Чехова. Классическое образование уводило в сторону от живой жизни, от практики, от общественной борьбы. Классическое образование отрывало учащегося от современности, насильственно загоняя его в мир далёкой древности. Не мудрено, что скопидомы-отцы усвоили презрительное отношение к образованию и не считали нужным даже оплачивать труд учителей (см. рассказ Чехова «Репетитор»).

Чехов касается вопроса о классическом образовании в таких рассказах, как «Репетитор», «Человек в футляре», «Случай с классиком».

Сатирический образ Беликова, который боялся «как чумы всего нового, всего того, что выходило из обычного круга серой обывательской жизни» (С т а л и н), после рассказов Чехова стал распространённым типом в детской литературе. Этот тип мы находим даже в «Швамбрании» Кассиля.

Чехов тщательно проследживает тлетворное влияние на детей классического образования и бездушного школьного режима. В рассказе «Случай с классиком» он рисует образ гимназиста, искалеченного классической муштрой, потерявшего образ человека. Тощее, бледное лицо, пришибленный вид лучше всего характеризуют этого раздавленного жизнью ребёнка. Как обычно, он «срезался» на греческом языке: перечисляя энклитические частицы, «нечаянно местоимение впутал». Измученная, обманутая в своих надеждах мамаша просит жильца посечь «тупицу». Благородный деликатный жилец снял ремень и, упомянув о науке, свете и тьме, высек покорно принявшего кару гимназиста. А затем мальчика определили по торговой части.

Вопрос о классическом образовании был остро актуальным вопросом времени. Он горячо дебатировался в педагогике и литературе. Вслед за Чеховым с резким обличением классического образования выступает Гарин-Михайловский в своей трилогии «Детство Тёмы», «Гимназисты», «Студенты».

Борьба передовой русской общественности против классического образования не прошла бесследно. На рубеже XIX—XX вв. школьное образование круто изменяется.

**Отношение
Чехова к дет-
ской литературе**

Чехов деятельно вмешивается и в дело детской литературы. В «Осколках московской жизни» он показывает растлевающее влияние на детей бульварной литературы. «Раньше, говорит Чехов, дети, начитавшись Майн Рида и Купера, удирали из родительских домов и изображали бегство в Америку, теперь дети зачитываются пастуховским «Разбойником Чуркиным» и идут в ... разбойники». Чехов рассказывает, как юные Чуркины, убежав из дома, убили вёзшего их мужика. «Теперь, — пишет Антон Павлович, — малыши сидят в тюрьме, а описываемый случай может служить тысяча первым доказательством тлетворного влияния чтения книг на детские умы — роскошная тема для передовицы в ваганьковском вкусе».

Наблюдения над детьми приводили Чехова к твёрдому убеждению, что литература в их жизни и воспитании играет огромную роль. Это он показал в рассказе «Мальчишки», об этом он пишет в своих фельетонах. Поэтому детская литература чрезвычайно занимает его. Он деятельно продвигает в детские журналы талантливые, с его точки зрения, рассказы М. В. Киселёвой, интересуется творчеством для детей своего брата Ивана, писавшего под псевдонимом Богемский, даёт советы Россолимо, занимавшемуся изданием книг для детей. В его письмах мы находим остроумные характеристики детских журналов, издателей, писателей. Сохранилось несколько пародий Чехова на современную ему детскую литературу. В 1883 г. Чехов поместил в журнале «Будильник» пародию на романы Жюль Верна «Летающие острова», в которой остроумно показал смешные шаблоны французского автора приключенческих романов.

Одна из его пародий — «Сапоги в смятку» — является блестящей характеристикой нравоучительной литературы. Это шуточный рассказ, написанный для детей М. В. Киселёвой. Здесь и злая сатира на мещанский быт, на серость, обывательщину, которую беспощадно бичевал Чехов в своём творчестве, и на всю систему воспитания, на тупых и безграмотных учителей, для которых чистописание — главное в жизни. Одновременно это злая сатира и на детскую литературу. Чехов как бы собрал воедино все смешные и нелепые приёмы её: фальшь, сентиментальность, безграмотность — и из этой смеси смешного и нелепого создал уморительную пародию.

Интересна стихотворная пародия Чехова на детскую литературу. Чехов забавно перемешивает ходячие сюжеты детской литературы с её ходячей моралью, пришитой ни к селу, ни к городу.

Шли однажды через мостик жирные китайцы.
Впереди их, задрав хвостик, торопились зайцы.
Вдруг китайцы закричали: «Стой! Лови! Ах! Ах!»
Зайцы выше хвост задрали и попрятались в кустах.

Мораль сей басни всем ясна:
Кто зайцев хочет кушать,
Тот, ежедневно, встав от сна,
Папашу должен слушать.

Многие считают, что вывод о детской литературе, к которому пришёл Чехов, безотраден.

Чехов писал Россолому: «Так называемой детской литературы не люблю и не признаю. Детям надо давать только то, что годится и для взрослых»¹. Однако эти слова относятся вовсе не к характеристике русской детской литературы, а к тем подделкам под детскую литературу, которые заполняли книжный рынок и создавались усилиями пишущей братии низшего сорта.

Осуждая эту литературу, Чехов кровно заинтересован в распространении настоящей большой литературы для детей и сам берётся за создание детских книг.

Он печатает свои рассказы в детских журналах, с особой придирчивостью и требовательностью отбирая их. Специально для детей он переделывает «Каштанку», издаёт «Белолобого».

Это не случайный, а глубоко продуманный дар детской литературе. В рассказе «Событие» Чехов писал:

«В воспитании и жизни детей домашние животные играют едва заметную, но несомненно благотворную роль. Кто из нас не помнит сильных, но великодушных псов, дармоедок-болонок, птиц, умиравших в неволе, кротких старух-кошек, прощавших нам, когда мы ради забавы наступали им на хвосты и причиняли им мучительную боль. Мне иногда даже кажется, что терпение и верность, всепрощение и искренность, какие присущи нашим домашним тварям, действуют на ум ребёнка гораздо сильнее, чем длинные нотации сухого и бледного Карла Ивановича или же туманные разглагольствования гувернантки, старающейся доказать ребятам, что вода состоит из кислорода и водорода». Об этих сильных, верных и преданных животных и написаны рассказы Чехова для детей.

Как тревожил Чехова вопрос о педагогической направленности отобранных им произведений, видно из писем, относящихся ко времени его работы над переделкой «Каштанки».

«Получив корректуру «Каштанки», — пишет он Суворину 3 декабря 1881 г., — я тотчас же сделал поправки и написал новую главу. Я разделил сказку на большее число глав. Теперь уже не 4 главы, а 7. Новая глава даст несколько лишних страниц, и авось получится что-нибудь. Друга дома и неверную жену, конечно, я выбросил вон».

На детей «Каштанка» произвела огромное впечатление. «Детишки, — писал Чехов брату Михаилу, — не отрывают от меня глаз и ждут что-нибудь необыкновенно умное. А по их мнению, я гениален, так как написал повесть о Каштанке. У С. одна

¹ Письма А. П. Чехова, т. VI.

собака называется Фёдором Тимофеевичем, другая Тёткой, третья Иваном Ивановичем»¹.

В результате дружбы Чехова с детьми, в результате его пристального наблюдения за их ростом, интересами, воспитанием родилась целая серия рассказов, которые потом были объединены в сборник, изданный Сувориным (1889). Сюда вошли «Детвора», «Событие», «Ванька», «Беглец» и др. Чехов очень был озабочен изданием этой книги для детей. Его переписка 1888—1889 гг. полна вопросов о ходе сборника.

Рассказы Чехова о детях — непревзойдённые шедевры русской литературы. Чехов с его идеальной мечтой о будущем, Чехов-гуманист, отстаивающий юное поколение как лучшую ценность родины, проявился в этих рассказах с необычайной яркостью. В его рассказах всё правдиво. Поэтому с неумолимой обнажённостью выступает страшное положение детей в царской России.

«В детстве у меня не было детства», — говорил о себе Антон Павлович. Детство Чехова падает на 70-е годы, в 1879 г. он окончил гимназию. Его детство было типичным не только для его сверстников, но и для следующего поколения, так как реакция 70-х годов, захватившая область воспитания и образования, только углубилась в следующем десятилетии. Фразе Чехова о детстве без детства можно придать значение широкой характеристики всей воспитательной системы. И вот в центре внимания писателя становится поколение, у которого нет детства.

Выбор темы о детях для Чехова не случаен. Жизнь демократических слоёв и города, и деревни, их бесправие находятся в центре внимания передовой общественности 60—70—80-х годов. Обличители современной им действительности, как бы от лица замученных и придавленных детей, взывали к общественной совести. В судьбах забытых детей наглядно выступали ужасы общественного быта («Очерки бursы» Помяловского, «Гутаперчевый мальчик» Григоровича и др.). Нечего и говорить, что рассказы и повести о детях разрешали вопросы и педагогического содержания, и специфической формы детской литературы (в них был естественным эмоциональный элемент, драматизм, близкий читателю герой), они воспитывали у детей гуманность, стремление к социальной справедливости, к правде. Тему «дети» из рук в руки переняли у шестидесятников семидесятники и восьмидесятники.

В 1888 г. Чехов пишет рассказ «Спать хочется» о девочке Варьке, одной из тех сотен и тысяч «маленьких каторжников», которые у чужих людей являются и няньками, и стряпками, и кухарками.

В русской детской литературе до сих пор не было рассказа

¹ Письмо М. П. Чехову, 1888 г., 13 марта. Письма, т. II.

о ребёнке-преступнике, оправданном автором. Такие рассказы писались только с целью осуждения и морализирования. Нужно было, чтобы за эту тему взялся такой крупный художник, как Чехов, чтобы читатель понял правду жизни и осудил не преступника, а социальный строй, толкающий детей на преступление.

За два года до этого рассказа Чехов написал рассказ ещё об одном «маленьком каторжнике», деревенском мальчишке, отданном в ученье к сапожнику («Ванька», 1886).

«А вчераш мне была выволочка, — эпически сообщает Ванька в письме к деду. — Хозяин выволок меня за волосья на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятёнка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селёдку, а я начал с хвоста, а она взяла селёдку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьёт чем попадая. А еды нету никакой...»

У Ваньки как и у Варьки нет детства. Но он ещё не дошёл до состояния Варьки. У него ещё сохранились кое-какие остатки любознательности, интерес к окружающему. В письме к деду Ванька сообщает, что Москва — город большой. «Дома всё господские и лошадей много, а овец нету и собаки не злые», в лавках такие крючки, что даже пудового сома удержат и «ружья всякие на манер бариновых». «А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы не сказывают». В детских грёзах Ваньки ещё иногда проходят и светлые тени воспоминаний. Вот он судорожно вздохнул, уставился в окно и вспомнил, что за ёлкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собой внука. И в его мозгу проносятся весёлые картины пережитого. Тем яснее беззащитность, обречённость Ваньки, для которого мир хищников поворачивается только своей неумолимо жестокой стороной.

Трудно сказать, который из этих двух рассказов страшнее. Освещённый тёплой и горькой улыбкой писателя рассказ о наивном Ваньке, убаюканном сладкими надеждами, может быть, сильнее ранит сердце читателя, чем трагическая развязка рассказа о Варьке.

Оба эти рассказа Чехов отобрал для детского сборника. В XIX в. это был невероятный случай — дать в руки детям страшный драматический рассказ, с такой силой и обнажённостью ставящий актуальные общественные проблемы. Благонамеренные педагоги не могли не испугаться этого новшества в детской литературе. Но Чехов сознательно отобрал эти рассказы для детей, действуя в полном согласии с теми педагогами и писателями, которые приучали детей не отворачиваться от чужого горя.

Рассказы Чехова о детях поражали силой проникновения во внутренний мир «маленьких каторжников», в их психологию. Через психологию ребёнка раскрывается вся система общественного зла, обнажаются язвы существующей действительности.

Это были действительно страшные рассказы и вместе с тем глубоко детские и по герою, и по близости маленькому читателю всего психологического содержания, по драматичности сюжета и по законченной лаконичной форме. Ребёнка поражал и тот нравственный вывод, который он делал по прочтении рассказов.

Своими рассказами Чехов выдвинул новую тему в русской детской литературе — тему о «маленьких каторжниках», которая так волновала передовые слои общества. Эта тема стала центральной в творчестве детских писателей конца XIX века. С большим успехом её разрабатывают Мамин-Сибиряк, Корс-ленко. К ней же обратился Горький («Детство», «В людях»).

**Внутренний мир
детей и проблема
воспитания в рас-
сказах Чехова**

Обличительное перо Чехова коснулось не только положения «маленьких каторжников». Вот дети богатой семьи («Событие»). Кажется, уж у них-то должно быть безоблачное, лучезарное детство. Но барское воспитание с младенчества ломает души детей. У детей уже с утра кислые физиономии, а впереди ещё целый пустой и скучный день. Ограждая детей от всякого труда, родители совершенно не оберегают их внутреннего мира. Глупый прожорливый пёс съел их котят. Это драма для детей. А взрослые грубо смеются над их горем. Тупое равнодушие, с которым они относятся к детскому горю, ломает детскую психику. Так Чехов показывает общество, где родители больше интересуются игрой в винт, чем своими детьми, — бездушно подавляют у детей лучшие чувства.

Формалистическое казённое отношение к детям в школе, депотическое или равнодушное в семье нравственно извращало, калечило детей. Это тот вопрос, который так мучил Льва Толстого. Этот же вопрос поставил в своём творчестве и Чехов.

Буржуазное общество, как ядом, отравляет детей своими пороками. Тем с большим ожесточением вступился Чехов за участь детей. И словно для того, чтобы показать обществу, какие соко-ровища оно губит, Чехов пишет ряд произведений («Мальчи-ки», «Степь», «Беглец»), в которых раскрывает самые сокровенные тайники внутреннего мира детей.

В образе маленького Егорушки, оторванного от родного гнезда, он с необычайной теплотой раскрывает нежность хрупкой детской натуры, чутко реагирующей на природу, тоскующей по ласке, отвечающей глубоким чувством на проявления участия («Степь»). В образе Володи и его друга Чечевицына он показал внутренние побуждения мальчиков, стремление к яркому, красочному, героическому («Мальчишки»). Наивность, простодушие, страх запуганного ребёнка характеризует Пашку («Беглец»).

**Черты националь-
но-русского
стиля в детских
рассказах Чехова**

Эти рассказы как нельзя лучше показывают и то, почему рассказы Чехова о детях, глубоко серьёзные, поднимающие большие педагогические проблемы, стали любимыми детскими рассказами. Рассказы эти привлекают детей, хотя они и

сюжетно решены отнюдь не в западной диккенсовской традиции. В них нет запутанной драмы, которая делает западных писателей любимцами детей. Дети любят Чехова за то, что он умеет проникнуть во внутренний мир дитяти — ровесника своего читателя, за то, что он правдиво рисует события детской жизни, передаёт детские разговоры, душевные движения. Писатель создаёт полное ощущение реальности всего описанного, и дети, по природе своей наивные реалисты, не могут оторваться от его рассказов.

Вслед за Толстым Чехов создал художественный психологический образ ребёнка. После Чехова детский персонаж занял в русской детской литературе главное место. Засодимский, Глеб Успенский, Анненская, Короленко, Мамин-Сибиряк, Станюкович, Л. Андреев — все обращаются к этому образу. Толстой и Чехов научили русских писателей глубоко всматриваться в психологию дитяти. В русской детской литературе появляется правдивый образ ребёнка. Маленький читатель, раскрывая книгу, погружался теперь в совершенно реальный мир, в котором жили и страдали его сверстники — все эти Петьки, на минуту вырвавшиеся из душного города на дачу (Леонид Андреев — «Петька на даче»), дети подземелья, бледные и хрупкие, как растения подвалов (Короленко — «Дети подземелья»), маленькие кормильцы семьи, погибающие в жестоком мире борьбы (Успенский — «Кормилец»), маленькие герои, отважно защищающие родину (Станюкович — «Севастопольский мальчик»).

Простые, но полные значительных событий судьбы маленьких героев проходили перед глазами читателя и учили его смотреть не в романтические дали заморских стран, а на то, что перед его глазами, вживаться в окружающую действительность и готовиться к борьбе. Русская детская литература привлекала внимание читателя к жизни родной страны.

Произведения Чехова для детей глубоко национальны. В этом отношении изумительна его повесть «Степь». Широкие светлые картины природы полны у Чехова неотразимой прелести, сердце читателя как бы сливается с природой родной земли.

«Каштанка»

Типично русской по жанру является повесть Чехова «Каштанка». Повесть внесла в мировую литературу новую тенденцию. Она пронизана светлым настроением, рисует тёплые и милые детям образы.

Как и Толстой своими рассказами о животных, Чехов своей «Каштанкой» внёс в детскую литературу новый, отличный от иностранного жанр рассказа о животных. Он чужд надуманных ситуаций, чужд чрезмерной красочной романтики, чужд приключений, являющихся самоцелью произведения, — писатель пренебрег всеми шаблонами, выработанными иностранной литературой.

Чехов описывает обыкновенную историю о том, как у столяра Луки Александровича и его сынишки Федюшки была собака Каштанка, как она потерялась, как попала к цирковому дрессировщику, как жила в новой компании, как выступала в цирке

и, увидев старого хозяина, не выдержала роли, поддалась чувству собачьей преданности и сбежала с арены к Федюшке. Всё очень просто, никаких головокружительных приключений, и вместе с тем нельзя оторваться от повести.

Вот Каштанка вспомнила, как она жила у столяра, вспомнила его сына Федюшку, уютное место под верстаком... Вспомнила, что в длинные зимние вечера, когда столяр строгал или читал вслух газету, Федюшка обыкновенно играл с нею... Он вытаскивал её за задние лапы из-под верстака и выделывал с нею такие фокусы, «что у неё зеленело в глазах и болело во всех суставах...» Чехов заставляет читателя ощутить и запах стружки, клея, лака, и уют незатейливой домашней обстановки столяра, и озорного, но доброго Федюшку, и простодушного, философствующего, немного комичного столяра. Читатель ощущает пушистый снег, который «красил в белое мостовую, лошадиные спины, шапки извозчиков», улицу, по которой с музыкой идут войска, подъезд дома в глухую безлюдную ночь. Словом, он входит в мир, который открывает перед ним Чехов, вживается в этот мир, и его всё более и более интересуют детали, картины, люди. Художник заставляет смотреть, слушать, переживать, чувствовать. Вот Каштанка в новом незнакомом доме, где всё не так, как у столяра, — кресла, ковры, диваны, и хозяин другой, это не столяр, а «заказчик»: «он ни разу не ударил её, не затопал ногами и ни разу не крикнул: «Пошла вон, треклятая». И читатель снова идёт за Каштанкой в её новый мир. Вместе с ней он переживает очень «приятное знакомство» с котом Фёдором Тимофеевичем и гусём Иваном Ивановичем, удивляется «чудесам в решете», проводит «беспокойную ночь», когда Каштанку гнетёт таинственное и жуткое предчувствие смерти в доме. Живой мир, реальные глубокие настроения захватывают читателя. Прочитав книгу и кажется, что побывал в гостях у добрых знакомых, — так ярко ощущение реальности в повести «Каштанка».

В литературе нелегко найти произведение, равное «Каштанке» по тому чувству дружбы к животному, которое оно вызывает. Изумителен по теплоте и реалистической выпуклости и рассказ Чехова «Белолобый».

Тема о животных в той гуманной трактовке, в которой разработана она у Чехова, стала центральной темой детской литературы. В конце века появляются рассказы о животных Мамина-Сибиряка, «Малыш и Жучка» Дмитриевой, «Медведи» Гаршина.

**Место Чехова
в детской
литературе**

В творчестве Чехова ещё раз получают утверждение те черты русской детской литературы, которые стали в конце XIX века определяющими. Предметом его произведений является жизнь раскрывается многогранная действительность. Для творчества Чехова характерно гуманное, благородное направление, которое стало знаменем передовых детских писателей конца XIX века.

Чехов своим творчеством как бы подвёл итог всему предшествующему развитию русской детской литературы. В сокровищницу детской литературы, куда русскими писателями до Чехова были вложены такие жемчужины искусства, как сказки Жуковского, Пушкина и Ершова, русские народные сказки Афанасьева, «Генерал Топтыгин» Некрасова, басни Крылова, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, «Записки охотника» Тургенева, «Детство» и «Кавказский пленник» Л. Толстого, — в эту сокровищницу Чехов вложил свои рассказы «Каштанка», «Белолобый», «Степь», «Событие», «Ванька», «Спать хочется».

Как и в литературе для взрослых, в своих произведениях для детей Чехов нанёс решительный удар всем существовавшим до него литературным шаблонам. Его экономный, удивительно простой и вместе с тем удивительно глубоко выражающий мысль язык показал детским писателям, как надо писать для детей.

ЛИТЕРАТУРА

А. П. Чехов, Каштанка. Белолобый. Событие. Спать хочется. Ванька. Мальчики. Беглец. Летающие острова (все произведения можно найти в кн. А. П. Чехова «Избранные произведения», Ред. биогр. очерк и комментарии А. И. Роскина, Детиздат, М. 1935).

А. П. Чехов, Полное соб. соч. под ред. А. В. Луначарского и С. Д. Балухатого, ГИХЛ, М.—Л. 1930—1931, XII т.

Письма А. П. Чехова, под ред. М. П. Чеховой (в 6 томах). Книгоиздательство писателя 1912—1916 (Письмо о детск. лит. Россолимо в т. IV, письмо брату Михаилу о «Каштанке» в т. II, Письмо Суворину об изд. «Каштанки» для детей в т. I).

В. Вересаев, А. П. Чехов. В кн. В. Вересаева «Воспоминания», Госиздат, 1938.

М. Горький, А. П. Чехов, В кн. М. Горький «Литературно-критические статьи», Гослитиздат, М. 1937.

А. Дерман, Антон Павлович Чехов. Критико-биографический очерк, Гослитиздат, М. 1939.

В. Ермаков, А. П. Чехов, Творческий портрет. «Советский писатель», М. 1944.

Лебедев-Полянский, А. П. Чехов в сознании русского общества. «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1944, т. III, вып. 6, стр. 185—202.

А. В. Луначарский, Чехов и его произведения, как общественное явление. В кн. Луначарского «Классики русской литературы», Госиздат, М. 1927.

